

ВСЕГДА С МОЛОДОСТЬЮ

Когда писатель пятьдесят лет работает только для театра, то есть пишет только пьесы, не поддается соблазнам столь массового искушения, как кино, не пытается попутно стать прозаиком, не сочиняет стихов, а к семидесятилетию юбилею не находит времени сесть за мемуары, согласитесь, это само по себе достойно удивления. И — уважения, ибо, значит, писатель способен на художественную стойкость и верен себе.

Творчество Алексея Николаевича Арбузова безраздельно принадлежит театру.

Мир театра лишь издали представляется волшебнo-прекрасным и полным исключительно радостных мгновений. И судьба драматурга Арбузова лишь издали может показаться легкой.

Все, что в театре мучительно и сложно, связано с человеческим самолюбием, молчанием критиков, неполным успехом у публики и т. п., все это Арбузов испытал. Ис-

пытал — и остался верным, как редкие люди бывают верны своей единственной любви. Театр — судьба, театр — его жизнь. Близкие знают, насколько театр пропитал этот характер и все в нем себе подчинил.

Не легкой, но счастливой его судьбу назвать, однако, следует.

За полвека он написал около тридцати пьес. Среди них есть плохие, есть хорошие, а есть очень хорошие. Они не сходят со сцены многие годы. «Таня», «Годы странствий», «Мой бедный Марат» не перестают удивлять своей жизнеспособностью. Они вновь и вновь возникают на подмостках, то где-то рядом, то далеко за рубежом, в Японии или Англии, и нам остается гадать, что поняли японцы или англичане в столь русской пьесе.

Мы иногда ругаем его за сентиментальность. И ради юбилея не отказываемся от этих слов. Но, может, полезнее разобраться в свойствах этой

сентиментальности, в том, что тут созвучно множеству людей на разных концах планеты?

Мы иногда сетуем: «Он уходит от решения вопроса». Но не следует ли оценить тот факт, что сам «вопрос» был Арбузовым замечен и, так сказать, введен в наше сознание? Давний спор: должен ли драматург решать проблему или его дело художественным способом возбудить наше чувство и направить нашу мысль. Лично мне ближе Арбузов — художник, которому доступна сложная сфера человеческой психологии. И здесь есть чему у него поучиться.

В течение нескольких лет мы вместе руководили студией молодых драматургов. Жаль, что наша студия не переросла в театр. Но период, связанный с этой попыткой, поучителен и крайне показателен для Арбузова. Во всяком случае, самым верящим, самым бодрым и самым наивным среди молодых был Ар-

бузов. И это, надо полагать, запомнят его ученики.

Они должны запомнить и то, как каждому из них помог этот человек — своим именем, авторитетом и своей верой.

Ни в какой степени Арбузов не приспосабливается к своим ученикам. Некоторые из них приспосабливались к нему. Однако, на мой взгляд, самыми интересными среди студийцев Арбузова оказываются не продолжатели, а оппоненты, упрямые и строптивые. Самое же интересное в их учителях то, что он может ненадолго проявить раздражение в спорах с ними, а потом верх надо всем возьмет живое любопытство. Он радуется чужому дарованию, а это уже талант. Навсегда запомню, как он знакомил меня с Александром Вампиловым, тогда никому не известным, и что при этом говорил. Казалось, он высокопарен и явно преувеличивает, — время обнаружило его полную правоту.

Пока вокруг Арбузова мелькал хоронд молодых, он к своему семидесятилетию взял да и написал о них пьесу. Не только молодые брали у Арбузова, но и он нечто взял у них. Тут, разумеется, дело не в приемах, не в драматургическом ремесле. Дело в знании предмета, в улавливании того, что называют духом времени. В пьесе «Жестокие игры» Арбузов остался верен себе во многих мотивах (конечно же, есть и любовь, и тайга, и самоотверженный врач), но характеры двадцатилетних он написал так, как до сих пор не писал. В сочетании доброты и горечи, сочувствия и мудрой отстраненности, наконец, трезвого ощущения собственной вины (а кто в ответе за двадцатилетних, как не их отцы и деды?) — в этом новый Арбузов и его творческий вызов молодым. Есть ли лучший способ для драматурга встретить свой юбилей?

Н. КРЫМОВА.

26 МАЯ 1978